

УДК 81'272

ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОФИЦИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

С.П. Васильева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы исследования. Одной из наиболее актуальных проблем речевой коммуникации, несмотря на глубокие изыскания в этой области, продолжает оставаться адекватность понимания высказывания, обращенного адресантом к адресату. Такое положение объясняется не только социальной природой языка и многообразием ситуаций его использования, но и нередкими случаями либо неудовлетворительного вербального воплощения говорящим своих интенций, либо недостаточной подготовленностью слушателя к безошибочному восприятию смысла словесного акта, предназначенного ему. Наиболее ощутимым оказывается резонанс, производимый в социуме публичными заявлениями представителей иерархически доминирующей страны.

Цель данной статьи – дискурс-анализ высказываний (текстов) официальных лиц, получивших широкий резонанс в интернет-среде, заключающийся в выявлении эксплицитно и имплицитно выраженных маркеров семантики, стилистики и прагматики высказываний официальных представителей власти.

Методология. Базовой основой методологии исследования являются труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Е.Д. Поливанова, А.А. Потебни, Л.В. Щербы, Т. Ван Дейка и других исследователей, заложивших основы понимания коммуникативной деятельности человека и практик дискурсивного анализа.

Новизна исследования заключается в том, что в результате анализа высказываний официальных представителей власти авторы выявили основную причину «неудач» речекоммуникативных ситуаций официального дискурса.

Заключение. Причинами возникновения описанных ситуаций взаимного непонимания является отсутствие общего социального опыта говорящих и воспринимающих текст.

Авторский вклад заключается в дискурсивном анализе вызвавших диссонанс высказываний и выявлении эксплицитно и имплицитно выраженных маркеров социальной маркированности этих текстов.

Ключевые слова: *проблема понимания, публичный официальный дискурс, адресант, адресат, прагматика, семантика, контекстуальная модель.*

Постановка проблемы исследования. Проблема адекватности понимания участников речекоммуникативного акта вызывает интерес специалистов в течение продолжительного времени. Так, М.М. Бахтин исходил из чрезвычайной значимости функции читателя / слушателя, потому что «высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается. Роль *других*, для которых строится высказывание <...>, исключительно велика. Эти другие <...> не пассивные слушатели, а активные участники речевого общения» [Бахтин, 1986, с. 290].

Кроме того, еще ранее было установлено, что взаимное понимание между коммуникантами в реальной практике общения недостижимо. «Сло-

во, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперцепировать содержание его мысли <...>. Что касается самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях <...>, но легко может быть осознано при так называемом полном понимании» [Потебня, 1976, с. 139], то есть формальная тождественность слова как звукобуквенного комплекса для обоих речедетелей (или для оратора и его аудитории) вовсе не является залогом абсолютно точного восприятия интенции, выражаемой адресантом с помощью этой лексической единицы.

Об этом же феномене взаимного непонимания коммуникантов говорилось и позднее, применительно к оценке эффективности семиотических систем (впрочем, и здесь имелось в виду общение посредством одного и того же естественного кода – национального языка). «Для того чтобы достаточно сложное сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью, нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, т.е. фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли как бы удвоенную одну и ту же личность, поскольку код включает не только определенный двумерный набор правил шифровки-дешифровки сообщения, но обладает многомерной иерархией <...>. Из этого неизбежно вытекает относительность идентичности исходного и полученного текстов» [Лотман, 1996, с. 13–14].

Более того, известны ситуации, в которых непонимание высказываний между коммуникантами довольно легко может быть прогнозируемо (например, при использовании адресантом лексических единиц с непрозрачной для адресата семантикой – узкоспециальных терминов, иноязычных заимствований, жаргонизмов и подобных им агнонимов) и даже программируемо отправителем сообщения [Васильев, 2013б, с. 13].

Случаи взаимного непонимания собеседников, причем принадлежащих к различным социальным группам, в диалогах, ведущихся на одном и том же национальном языке, нередко фигурируют в русской литературной классике.

Например, в прутковской басне помещик «садовника к себе он призывает и говорит ему: „Ефим!

Блюди особенно ты за растеньем сим;

Пусть хорошенько прозябает”.

Зима настала между тем,

Помещик о своем растенье вспоминает

И так Ефима вопрошает:

„Что? Хорошо ль растенье прозябает?”

„Изрядно, – тот в ответ, – прозябло уж совсем!” (Прутков, 1976, с. 45).

Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово „прозябает”».

Подобная игра омонимами присутствует и в чеховском рассказе, где богатый инженер-мостостроитель пытается усовещивать местных крестьян, постоянно наносящих ущерб его дачному имуществу; типичный представитель коренных обитателей, старый кузнец Родион (который, впрочем, «понимал то, что ему говорили, не так, как нужно, а всегда как-то по-своему» (Чехов, 1956, с. 368)) последовательно интерпретирует слова дачника. Когда тот говорит мужикам: «Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою», Родион комментирует: «Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой» (Чехов, 1956, с. 364–377).

Количество таких примеров можно было бы без труда умножить, однако и вышеприведенных достаточно для подтверждения наличия социально дифференцированных речевых реализаций единого национального языка в разных группах иерархически стратифицированного общества.

В любом высказывании лексика несет основную смысловую нагрузку, однако далеко не всегда лексическое значение слова может адекватно передать смысл высказывания. Важно учитывать словесное окружение – контекст (текст), а текст погружен в социальную реальность, которую принято называть дискурсом. Дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» (ЛЭС).

Обзор литературы. Развитие языкознания в условиях антропоцентризма влечет за собой стремление к интеграции разных областей знания и их методов. «В контексте интегративных поисков решения проблем взаимодействия языку отводится центральное место, так как он выполняет роль посредника всех

интерактивных процессов. При этом меняется сам подход к языку: последние десятилетия отмечены в лингвистике возрастанием исследовательского интереса к проблемам анализа языка как дискурса, т.е. языка в социокультурном контексте. В круг интересов попадают самые разные типы дискурса, что обусловлено общим «антропологическим поворотом» лингвистических исследований – подходом к языку и общению как модусу бытия человека» [Плеханова, 2011, с. 3]. В связи с этим специфика дискурса часто определяется сферой коммуникации: политический дискурс, официальный дискурс, медиадискурс, интернет-дискурс и т.д. В рамках политической лингвистики формируется направление критических дискурсивных исследований (КДИ), о которых пишет Т. Ван Дейк, отмечая их практическое значение: КДИ «способствуют пониманию того, какую роль играет дискурс в воспроизводстве доминирования и как злоупотребление властью приводит к социальному неравенству. Для КДИ крайне важным является то, что подобное понимание практически соотносится с подчиненными группами. Несмотря на то, что известно множество примеров практического „применения“ критических дискурс-исследований, это направление все еще остается недостаточно развитым и изученным» [Ван Дейк, 2013, с. 42].

Анализируя варианты дискурс-анализа в сфере политической лингвистики, Э.В. Будаев выделяет три подхода: 1) диалектико-реляционный; 2) социокогнитивный и 3) дискурсивно-исторический [Будаев, 2016, с. 13]. По его мнению, различия названных подходов отмечаются на уровне методов и целей. Диалектико-реляционный нацелен на «изучение семиотического отражения социального конфликта в политическом дискурсе», социокогнитивный преследует цели изучения «злоупотребление властью (power abuse), угнетаемые группы (dominated groups), контекстуальные модели (contextual models) и структуры знания», дискурсивно-исторический связан с «шестью стратегиями идентификации идеологической позиции: *номинация, предикация, аргументация, „смягчение*

позиции» (mitigation), перспективизация и интенсификация» [Будаев, 2016, с. 13–14].

Актуальность данного исследования обусловлена некоторыми фрагментами сегодняшней русскоязычной речекоммуникативной практики, а именно довольно частыми высказываниями представителей российской власти, обретающими широкий и во многих вербальных реализациях не прогнозируемый инициаторами диалогов резонанс. Таким образом, вновь выступает проблема адекватного восприятия высказывания, имеющая серьезное социальное значение.

Очевидно, во многих реальных случаях непосредственного речевого общения эффект взаимного непонимания зачастую не учитывается, хотя бы потому, что при особенно острой необходимости он может быть минимизирован за счет уточнения участниками диалога интенций друг друга. С другой стороны, довольно частотны коммуникативные эпизоды, в которых попытки дополнительного прояснения интенций оратора попросту невозможны, и не только по причинам чисто технического свойства. Между тем словесные произведения, будучи включенными их авторами в публичный дискурс без чьего-либо принуждения и имеющие константное вербальное оформление, уже не подлежат последующему редактированию (они могут лишь стать исходным материалом для квазичитации); как хорошо известно, слово не воробей, вылетит – не поймашь. В свою очередь, аудитория (или хотя бы какая-то часть ее) далеко не всегда способна правильно интерпретировать намерения речетворца, квалифицируя истинный замысел его высказывания по-своему.

Весьма наглядной иллюстрацией такого положения вещей являются все учащающиеся сегодня случаи негативного восприятия дискурсивных актов представителей власти, обычно именуемых *элитой* [Васильев, 2013а; 2008]. Причем важными объектами дискурс-анализа оказываются и совершенно официальные тексты публичных выступлений [Васильев, 2018], и почти обыденные речевые акты («почти» – поскольку в момент их произнесения адресанты сохраняют свой должностной статус).

Таким образом, целесообразно все же рассматривать вербальные феномены, как представленные в статье, так и ситуативно и авторски-статусно подобные им, прежде всего в аспекте социолингвистическом. Заметим, что эта постановка вопроса далеко не нова, но в связи с социальной природой и функционированием языка как основного средства общения сохраняет свою непреходящую актуальность.

Напомним, что к этой проблематике обращался в разное время ряд выдающихся отечественных лингвистов.

Л.В. Щерба обоснованно полагал: «...Всякая система выразительных средств, образующая литературный язык, носит на себе тот или другой отпечаток идеологии господствующих классов и что она обыкновенно бывает приспособлена прежде всего для выражения именно этой идеологии» [Щерба, 1974, с. 267]. Наконец, мнение филолога-современника, писателя: «Философия социал-дарвинизма <...> актуальна как никогда. Мало того, она и есть – наша государственная идеология. В качестве идеологии социал-дарвинизм не озвучивается, но, безусловно, подразумевается» [Прилепин, 2009, с. 37].

Относительно недавно Н.Г. Комлев размышлял: «Является ли господствующий класс также господствующим в отношении языка? Если класс-гегемон <...> диктует другим классам и слоям правовые и этические нормы, то распространяется ли это также на язык? <...> Допустим, что языки классов равноправны, но равны ли они в действительности?» [Комлев, 2003, с. 121].

Цель данной статьи – дискурс-анализ высказываний (текстов) официальных лиц, получивших широкий резонанс в интернет-среде, заключающийся в выявлении эксплицитно и имплицитно выраженных маркеров семантики, стилистики и прагматики высказываний официальных представителей власти.

Методология. Базовой основой методологии исследования являются труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Е.Д. Поливанова, А.А. Потебни, Л.В. Щербы, Т. Ван Дейка и других исследователей, заложивших основы понимания коммуни-

кативной деятельности человека и практик дискурсивного анализа.

В данной статье дискурс-анализ строится на характеристике дискурса, включающего социальную ситуацию «власть ↔ народ» с учетом контекстуальной модели. Под контекстуальной моделью исследователи, вслед за Т. Ван Дейком, понимают модели особого рода, отражающие релевантные свойства коммуникативного окружения в эпизодической (автобиографической) памяти и контролирующие производство и понимание дискурса [Будаев, 2009, с. 154]. Считаем такой подход близким идеям Ю.М. Лотмана об идентичности кодов коммуникантов и их шифровке-дешифровке.

По всей вероятности, рассматриваемые высказывания, подобные приводимым далее в статье и вызвавшие активный протест адресата, имели место и ранее, однако не имели столь широкого распространения в эпоху отсутствия Интернета. Исследователи приводят примеры известных из печатных СМИ высказываний первого российского Президента (П) и их толкование гражданами:

П.: *«Реформы начали работать! Это – главное!»*

Граждане: «Видишь, говорит: мыло надо покупать, соль, спички»;

П.: *«С первого числа! зарплату! всем вовремя!»*

Граждане: «Денег, говорит, нету».

П.: *«Беру! Под личный, понимаешь, контроль».*

Граждане: «Вот как! Нету, говорит, денег и не будет» [Семенюк, 2001, с. 275].

Результаты исследования. Для реализации поставленной цели нами рассмотрены социальные ситуации, вызвавшие бурное обсуждение в результате высказываний представителей официальных структур: **демография, здравоохранение, экология.**

Демография. О.Г., директор департамента молодежной политики Свердловской области, 4 ноября 2018 г. на встрече со старшеклассниками и студентами в Кировограде заявила, в частности: «Вам государство в принципе ничего

не должно, вам должны ваши родители, потому что они вас родили. Государство их не просило вас рожать» (Г).

В рассматриваемом дискурсе участника коммуникации являются, с одной стороны, представитель власти, чиновник, отвечающий за молодежную политику, с другой – молодежь. Ситуация выглядит так: адресат находится в отношениях зависимости от адресанта, который присваивает себе право говорить от имени государства, лишая всяческих иллюзий молодое поколение области в плане их будущего, в плане их желаний послужить государству (если государство им *ничего не должно*, должны ли они государству?), сужая их интересы рамками семьи (*вам должны ваши родители*).

В коммуникативную ситуацию заочно вовлечены, кроме говорящего и слушающих, *государство и родители*.

В устах чиновницы государство превращается в монстра, которого не интересует судьба рожденных без его позволения людей (*Государство не просило вас рожать*).

Эта речь звучит на фоне выступлений Президента страны, который не устает повторять, что главная задача государства – улучшение жизни народа.

Не говоря уже о Конституции Российской Федерации, в которой говорится:

«Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (Конституция РФ. Ст. 18).

Безусловно, деятельность такого чиновника, получающего заработную плату от государства и подрывающего его интересы, наносит вред установлению здорового социального диалога «власть – народ», формированию свободно-гражданского общества. Обращает на себя внимание гендерная составляющая: чиновник – женщина. С учетом гендерного фактора ее высказывание выглядит еще более чудовищно и расходится с политикой государства, заинтере-

сованного в рождаемости, выплачивающего материнский капитал за рождение второго и третьего ребенка.

Продолжают эту тему некоторые представители власти, мнящие себя *элитой*, душевно «переживающие» за материальное и за интимное благополучие малоимущих (конечно, по собственной вине) матерей. Так, министр социально-демографической и семейной политики Самарской области М.А., адресуясь к матерям-одиночкам, беззастенчиво претендующим на увеличение и без того «непомерно высоких» пособий (в сумме – 1700 рублей), резонно ответила через твиттер в декабре 2018 г.: «Считаете, что государство должно всех содержать? А где отец ребенка? Есть программы переподготовки и занятости для мамочек в декретном и т.д. Чтоб детей плохими продуктами не кормить, наше поколение сады и огороды разводило. Если хочешь ребенка, всегда найдешь решение!» (А).

В дополнение к этому чиновница считает, что весьма целесообразно выйти замуж за кого угодно, лишь бы обеспечить содержание детей: «Почему семью полную не создаете?! Очень плохо! Понимаю, чтоб в семье жить, нужно поступаться своим ЭГО?! <...> Есть вечные истины: материнство – это жертвенность! Мать ради ребенка жертвует свободой, привычками, образом жизни, увлечениями» (А).

Пропозиция социального характера: просьба о повышении пособий матерям-одиночкам на детей. В описанной коммуникативной ситуации в качестве адресанта выступает опять-таки женщина-чиновник, которая взялась «наставлять» родителей, в данном случае матерей-одиночек. Звучит тот же мотив, как и в предыдущем контексте: *государство не должно*. Возникает ощущение, что «барыня» поучает «неразумных» *разводить сады и огороды*, а еще лучше – найти отца ребенка (*А где отец ребенка?*). Далее следует переход на высокий слог о *вечных истинах, жертвенности*. Очевидно стремление власть имущей дамы «оградить» государство от этих назойливых матерей-одиночек, ведущих «неправильный» образ жизни.

Не лишены некоторого снобизма и депутаты Государственной Думы, в частности, трехкратный олимпийский чемпион А. К. затронул тему в более широком нравственном аспекте, сказав по поводу пенсионной реформы: «...Это необходимо было делать <...>. Статистика, особенно у русских, никогда не является предметом обсуждения. Мы обсуждаем, как сосед сказал. Не смотрим, что уровень жизни вырос <...>. Еще я считаю, что младшие должны помогать старшим. Я говорю о своем здравствующем папе <...>. Я должен папе помогать, а не перекладывать это на государство» (К).

В данной коммуникативной ситуации статус адресанта столь высок, что он поднимается до уровня обобщений и суждений обо всем народе, занимаясь самобичеванием (*Статистика, особенно у русских, никогда не является предметом обсуждения. Мы обсуждаем, как сосед сказал. Не смотрим, что уровень жизни вырос*). Высказывание звучит особенно цинично в связи с тем, что депутату Государственной Думы должна быть известна статистика, свидетельствующая о количестве людей, находящихся за чертой бедности. Видимо, *им* предлагает представитель законодательной власти сменить темы обсуждения и перестать говорить о своих проблемах, а сосредоточить внимание на статистике. Всем известная личность, трехкратный олимпийский чемпион, большой, сильный и красивый человек трогательно заявляет: «Еще я считаю, что младшие должны помогать старшим. Я говорю о своем здравствующем папе <...>. Я должен папе помогать, а не перекладывать это на государство». Представители власти разных уровней, в том числе избранники народа, настойчиво внушают народу «не перекладывать на государство» свои проблемы, радуя, очевидно, не столько за государство, сколько за свое место в госструктуре.

Здравоохранение. Исследуемая коммуникативная ситуация связана с событиями 13 апреля 2018 г., когда в Государственную Думу был внесен проект закона, в котором в ответ на американские санкции против некоторых состоятельных россиян и их сторонников предлага-

лось, в частности, запретить ввоз в Россию лекарств из США. При обсуждении президент фонда «Институт региональных проектов и законодательств» Н. возразил: «Я пожилой человек, пью лекарства. К сожалению, они сделаны в странах вероятного противника, например, в Германии». В ответ депутат ПТ. 14.04.18 вполне доброжелательно предложил Н. использовать недорогие и испытанные лекарственные средства: «*А вы выплевывайте, выплевывайте (импортные таблетки). Кору дуба заваривайте, боярышник!*» (ПТ).

Неуместная ирония депутата воспринимается как цинизм по отношению к здоровью людей, того самого электората, который избрал данного депутата. На глазах изумленной публики народный избранник превратился в защитника интересов «состоятельных» россиян, ощущая себя частью властной структуры, забывая о своих избирателях. Становится заметной имплицитно выраженная связь «состоятельной» части общества с властью, власть защищает интересы «состоятельных» граждан. При этом речь депутата характеризуется снисходительно-разговорными интонациями, присутствует повтор императивных форм: *выплывывайте, выплевывайте*, – снижая тем самым и значение обсуждаемой проблемы. Императивные интонации предложения свидетельствует о превосходстве и доминировании (*Я вам говорю: боярышник, а эти сплевывайте*).

Заметим, что депутат, рекомендуя пить кору дуба и боярышник, готов публично отпустить шутки по этому поводу, мирясь с отсталостью фармацевтической промышленности.

В том же тематическом русле – заботы о здоровье населения [Васильев, 2013, с. 296] – находятся тревожные констатации министра здравоохранения РФ – В.С., высказавшейся 13 декабря 2018 г. по поводу рискованных гастрономических предпочтений масс: «Питание россиян нельзя считать в полной мере рациональным», отсюда – рост числа разнообразных заболеваний (С).

Во многих случаях благожелательные рекомендации *элитариев* насчет здорового образа жизни для *простых людей* сопряжены с психо-

терапевтическими консультациями. Так, член Совета Федерации Е.Л., возражая против злобных предложений повысить стоимость потребительской корзины в России, привела убедительную историческую параллель: «...Я все время думаю о тех, кто прошел войну. Люди, которые пережили ужасы и голод. Какая у них была потребительская корзина! Люди выживали, как могли. И при этом, пройдя столько всего, какие они разумные, какая голова у них светлая! Может, как раз стрессы и лишения тому причиной?» (Л).

Пропозиция: стоимость потребительской корзины. В речи Л. имплицитно выражена мысль о том, что испытываемые многими россиянами на протяжении последних десятилетий стрессы все же недостаточны для достижения нужной степени разумности, а потому логично их интенсифицировать. Корень зла видится в том, что гастрономические вкусы российских граждан каким-то образом зависят от их реальных доходов, и это обстоятельство также становится известным представителям *элиты*. Еще в 2015 г. свердловский депутат И.Г. советовал: «Если денег мало, надо задуматься о здоровье и поменьше питаться!» (Г).

Такие «гуманистические» высказывания неединичны. Так, Н.С., министр труда и занятости Саратовской области, после заседания комитета облдумы по социальной политике 11 октября 2018 г. констатировала, что 3,5 тысячи рублей в месяц – вполне нормальная сумма для удовлетворения «минимальных физиологических потребностей» и сама она «запросто просидит на макаронках и фруктах». «Макаронки стоят всегда одинаково. А кефир? Все равно это очень дешево <...>. А как же 40 дней поста, и все только становятся здоровее» (НС).

Как видно из речей представителей власти, здоровье напрямую связано с нерациональным питанием, рассуждения мягко подводят к вопросу о потребительской корзине, о том, чтобы быть здоровее, нужно минимизировать потребление продуктов.

В действии прием бездоказательных утверждений [Копнина, 2010, с. 71]: «Я все время думаю о тех, кто прошел войну. Люди, ко-

торые пережили ужасы и голод. Какая у них была потребительская корзина! Люди выживали, как могли. И при этом, пройдя столько всего, какие они разумные, какая голова у них светлая! Может, как раз стрессы и лишения тому причиной?» (Л.). Нельзя не отметить в суждениях чиновников попытки манипулирования *войной, постом*. Действенным оказывается прием «ложной аргументации» [Копнина, 2010, с. 75]: «А как же 40 дней поста, и все только становятся здоровее» (Л.).

Экология. Жителям г. Красноярска хорошо знакомо наукообразное словосочетание *режим черного неба*, псевдоэвфемистически обозначающее нередкие периоды, когда над городом нависает плотный смог, заметно затрудняющий дыхание жителей. Борьбу с чрезмерной задымленностью местные власти ведут различными способами. Например, бывшая «первая леди края», то есть супруга тогдашнего главы администрации Красноярского края, Н.Т., имеющая медицинское образование, 17 июля 2016 г. рекомендовала красноярцам (причем совершенно безвозмездно) оригинальный аутотерапевтический метод: «Когда в голове чистых мыслей станет больше, грязный воздух перестанет быть опасным! Могу научить как врач!» (Т).

По тому же самому поводу 26 ноября 2018 г. было обнародовано и технологически инновационное предложение российского министра природных ресурсов и экологии Д.К.: «...Не маленькие трубы над частным сектором наносят какой-то вред, а именно большие. Подумайте <...> украсить их в ночное время, чтобы они светились» (ДК).

Таким образом, в основе рассмотренных ситуаций официального дискурса лежат событийные пропозиции социального характера: молодежная политика, пособия матерям-одиночкам, пенсионная реформа, потребительская корзина, режим черного неба.

Социальный статус адресантов: директор департамента молодежной политики, министр социально-демографической и семейной политики, член Совета Федерации, депутат. Социальный статус адресата: граждане России.

В результате проведенного дискурс-анализа высказываний представителей власти выявлены следующие элементы социальной маркированности.

1. Эксплицитно выраженные интенции представителей официальной власти по социальным вопросам:

– демография – *государство не просило вас рожать*;

– матерям-одиночкам – совет *разводить сады и огороды, найти отца ребенка*;

– о пенсионной реформе – *каждый должен папе помогать, а не перекладывать это на государство*;

– о потребительской корзине – *поменьше питаться*;

– экология – *очистить мысли, дымящие трубы украсить подсветкой*.

2. ИмPLICITно выраженная семантика всех проанализированных высказываний: *государство ничего никому не должно*.

3. В высказываниях официальных лиц отмечаются семантические и стилистические приемы:

– манипулирования *войной, постом*;

– обращение к высокой лексике *материнство, жертвенность* (прием «магии слов» – А.Д. Шмелев);

– прием бездоказательных утверждений;

– прием смещения акцентов в сторону второстепенного;

– ложная аргументация.

Перечисленные факторы случаев негативно-го восприятия дискурсивных актов представителей власти свидетельствуют об отсутствии идентичности кодов и правил шифровки-дешифровки между адресатом и адресантом (по Ю.М. Лотману) в современном официальном дискурсе и свидетельствуют об отсутствии контекстуальной модели (адресанта и адресата), контролирующей производство и понимание дискурса (по Т. Ван Дейку). Контекстуальная модель предполагает наличие общих социальных целей и нравственных ценностей. Пока коммуникация между официальным адресантом и простым адресатом происходит на разных языках.

Заключение. Причинами возникновения описанных ситуаций взаимного непонимания является отсутствие общего социального опыта говорящих и воспринимающих текст. Страшно далеки они (говорящие) от народа. Не случайно одна из статей в «Российской газете – Неделя», посвященная данной проблеме, называется «Ближе к людям»¹.

Возможно, дискурсивные социолингвистические исследования в этой ситуации будут полезны в плане конструктивных изменений в коммуникативном дискурсе «власть – народ», и он перестанет быть «официозным».

Авторский вклад заключается в выявлении эксплицитно и имPLICITно выраженных маркеров семантики, стилистики и прагматики высказываний официальных представителей власти, вызвавших непонимание у массового адресата, которое обусловлено различиями социального статуса и социального опыта говорящих и слушающих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антимопова (А). URL: <https://medialeaks.ru/2812mov-samara-ministr> (дата обращения: 14.04.2019).
2. Гаффнер (Г). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2651430> (дата обращения: 14.04.2019).
3. Глацких (Г). URL: https://tsargrad.tv/news_167343 (дата обращения: 14.04.2019).
4. Карелин (К). URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/26928.5/3978945/> (дата обращения: 14.04.2019).
5. Кобылкин (ДК). URL: <https://www.krsk.aif.ru/society> (дата обращения: 14.04.2019).
6. Конституция РФ. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 10.06.2019).
7. Лахова (Л). URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/11/20/12065797.shtml> (дата обращения: 14.04.2019).
8. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). М. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 18.06.2019).

¹ Герейханова А. Ближе к людям // Российская газета. Неделя. № 91.24.04.2019.

9. Прутков К. Сочинения. М.: Художественная литература, 1976. 384 с.
10. Скворцова (С). URL: <https://www.interfax.ru/russia/642206> (дата обращения: 14.04.2019).
11. Соколова (НС). URL: <https://360tv.ru/news/tekst/makaroshki-dieta> (дата обращения: 14.04.2019).
12. Толоконская (Т). URL: <https://tvk6.ru/publications/news/19416/> (дата обращения: 14.04.2019).
13. Толстой (ПТ). URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/04/14/140998> дата обращения: 14.04.2019).
14. Чехов А.П. Новая дача // Собрание сочинений: в 12 т. М., 1956. Т. 8. С. 364–377.
7. Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. М.: Флинта, 2018. 144 с.
8. Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. / Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2008. 176 с.
9. Васильев А.Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. М.: Ленанд, 2014. 240 с.
10. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 216 с.
11. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 176 с.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. 464 с.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества // Проблема речевых жанров. М., 1986. С. 250–296.
2. Будаев Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 12–17.
3. Будаев Э.В. Недостающее звено дискурс-анализа: контекстуальные модели Т. Ван Дейка // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 153–155.
4. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматава М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
5. Васильев А.Д. Игры в слова: Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013а. 660 с.
6. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. М.: ФЛИНТА, 2013б. 342 с.
13. Плеханова Т.Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов. Минск: Тетра Системс, 2011. 368 с.
14. Поливанов Е.Д. Рецензия на книгу А.М. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет, 1917–1926» // Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. Смоленск, 2001. С. 335–339.
15. Потенбня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 35–220.
16. Прилепин З. Действительно не понимаю // Terra Tartarara: Это касается лично меня. М.: ФТМ, 2009. С. 29–37.
17. Семенюк О.А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. Кировоград: Кировоград. гос. пед. ун-т им. Владимира Винниченко, 2001. 368 с.
18. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. С. 265–304.

ELEMENTS OF SOCIAL MARKING IN THE RUSSIAN SEMIOFFICIAL DISCOURSE

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

S.P. Vasilyeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the research problem. One of the most urgent problems of speech communication, despite the deep research in this area, continues to be the adequacy of the understanding of the statement addressed from the addresser to the addressee. This situation is explained not only by the social nature of the language and the variety of situations of its use, but also by frequent cases of either unsatisfactory verbal embodiment of the speaker's intentions, or insufficient preparation of the listener for an unmistakable perception of the meaning of the verbal act intended for him. The most tangible is the resonance produced in society by public statements of representatives of the hierarchically dominant stratum.

The purpose of this article is discourse-analysis of statements (texts) of officials who have received a wide coverage in the Internet environment, which is to identify explicit and implicit markers of semantics, style and pragmatics of statements of officials.

Methodology. The basic foundation of the research methodology is the works by M.M. Bakhtin, Yu.M. Lotman, E.D. Polivanov, A.A. Potebnya, L.V. Shcherba, T. van Dijk and other researchers who laid the foundations for understanding human communicative activity and discursive analysis practices. The novelty of the study is that as a result of the analysis of statements by official government representatives the authors found the root cause of "failures" in speech situations of semiofficial discourse.

Conclusion. The reasons for the described situations of mutual misunderstanding is the lack of general social experience of speakers and perceivers of the text.

The author's contribution lies in the discursive analysis of the statements which caused the dissonance and the identification of explicitly and implicitly expressed markers of social marking of these texts.

Keywords: *problem of understanding, public official discourse, addresser, addressee, pragmatics, semantics, contextual model.*

Literature sources

1. Antimonova (A). Available at: <https://medialeaks.ru/2812mov-samara-ministr> (access date: 14.04.2019).
2. Gaffner (G). Available at: <https://www.kommerisant.ru/doc/2651430> (access date: 14.04.2019).
3. Glatskikh (G) – Available at: https://tsargrad.tv/news_167343 (access date: 14.04.2019).
4. Karelin (K). Available at: <https://www.nsk.kp.ru/daily/26928.5/3978945/> (access date: 14.04.2019).
5. Kobylkin (DK). Available at: <https://www.krsk.aif.ru/society> (accessed 14.04.2019).
6. RF Constitution. Available at: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (access date: 10.06.2019).
7. Lakhova (L). Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2018/11/20/12065797.shtml> (access date: 14.04.2019).
8. Linguistic encyclopedic dictionary. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (access date: 18.06.2019).
9. Prutkov K. Compositions. Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1976. 384 p.
10. Skvortsova (S). Available at: <https://www.interfax.ru/russia/642206> (access date: 14.04.2019)
11. Sokolova (NS). Available at: <https://360tv.ru/news/tekst/makaroshki-dieta> (access date: 14.04.2019).
12. Tolokonskaya (T). Available at: <https://tvk6.ru/publications/news/19416/> (access date: 14.04.2019).
13. Tolstoy (PT). Available at: <https://www.novaya-gazeta.ru/news/2018/04/14/140998> (access date: 14.04.2019).
14. Chekhov A.P. New cottage // Collected works in 12 volumes. M.: Izdatelstvo "Khudozhestvennaya literature", 1956. Vol. 8. P. 364–377.

References

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. In: Problem of speech genres. M.: Iskusstvo, 1986. 445 p.

2. Budaev E.V. Critical analysis of political discourse: the main directions of modern foreign research // *Politicheskaya lingvistika* (Political linguistics journal). 2016. No. 6 (60). P. 12–17.
3. Budaev E.V. The missing link of discourse analysis: contextual models by T. van Dijk // *Politicheskaya lingvistika* (Political linguistics journal). 2009. No. 2 (28). P. 153–155.
4. Van Dijk T.A. *Discourse and Power: representation of dominance in language and communication* / Translated by Kozhemyakina E.A., Per-everzeva E.V., Amatova, A.M. M.: Knizhnyj dom LIBROKOM, 2013. 344 p.
5. Vasilyev A.D. *Playing with words: manipulative operations in mass media texts*. Sankt-Petersburg: Zlatoust, 2013a. 660 p.
6. Vasilyev A.D. *Intertextuality: precedent phenomena*. M.: Flinta, 2013b. 342 p.
7. Vasilyev A.D. *Essays on political linguistics*. M.: Flinta, 2018. 144 p.
8. Vasilyev A.D. *Russian language policy 1991–2005*. Krasnoyarsk, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2008. 176 p.
9. Vasilyev A.D. *Modern myth-making and Russian television speech*. M.: Lenand, 2014. 240 p.
10. Komlev N.G. *Word in speech. Denotative aspects*. Second edition. M.: Editorial URSS, 2003. 216 p.
11. Kopnina G.A. *Speech manipulation: textbook*. Third edition. M.: Flinta: Nauka, 2010. 176 p.
12. Lotman Yu.M. *Inside rational worlds*. M., 1996. 464 p.
13. Plekhanova T.F. *Discourse analysis of the text: textbook for University students*. Minsk: Tetra Systems, 2011. 368 p.
14. Polivanov E.D. Review of A.M. Selishchev's book "Language of revolutionary epoch. From observations over the Russian language of 1917–1926" // E.D. Polivanov and his ideas in modern lighting. Smolensk, Smolensk State Pedagogical University, 2001. P. 335–339.
15. Potebnya A.A. *Thinking and language*. In: *Aesthetics and poetics*. M.: Iskusstvo, 1976. P. 35–220.
16. Prilepin Z. *I really don't understand*. In: *Terra Tartarara: It comes to me personally*. Moscow: FTM, 2009. P. 29–37.
17. Semenyuk O.A. *The language of the epoch and its reflection in the satirical and humorous text*. Kirovograd: V.innichenko Kirivograd State Pedagogical University, 2001. 368 p.
18. Shcherba L.V. *The experience of the general theory of lexicography*. In: *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka (Leningradskoe otделение), 1974. P. 265–304.